

условиях удовлетворять хозяйственные нужды православных приходов. Она фактически выступала посредником между Московским советом рабочих и крестьянских депутатов, в распоряжении которого находилось национализированное согласно декрету 1918 г. имущество предприятий, производивших и продававших церковную утварь, и приходами города. Именно через нее последние получали муку для выпечки просфор, свечи, ладан, масло, вино для совершения литургии. Подробнее см.: *Беглов А.Л.* Церковно-общественные движения на рубеже 1910–1920-х годов // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2009. С. 268–269.

⁶⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 252.

⁶⁵ *Титов В.Е.* Православие. М., 1967. С. 118.

⁶⁶ *Ионов А., прот.* Записки миссионера (Псковская миссия) // *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убежденные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики: (1940–1955). Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. Жизнеописания и материалы к ним. М., 1999. С. СXXXVI, CXL1; *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002. С. 417, 471; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 67–69, 126–128.

⁶⁷ Подробнее см.: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»...

⁶⁸ *Иоанн (Вендланд), митрополит.* Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров): Исторические очерки. Ярославль, 1999. С. 107–126.

⁶⁹ *Фицпатрик Ш.* Указ. соч. С. 13–14.

⁷⁰ *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 245–246.

⁷¹ Там же. С. 159–162.

⁷² Подробнее см.: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

⁷³ Об этом, в частности, писал патриарх Алексий I (Симанский) архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому) в феврале 1949 г.: «Вы как бы упрекаете меня в том, что я не воздвигаю брани с правительством нашим, издавшим декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, – т.к. возбуждение вопроса о разрешении воскресных школ для детей или других каких-либо учреждений для преподавания Закона Божия равняется безнадежному стремлению вызвать существенное изменение основного государственного закона. Как, думаете Вы, отнеслась бы к этому акту гражданская власть? Неужели Вам не понятно, что такое выступление главы Церкви было бы *преступлением прежде всего против самой Церкви?*.. Что же из этого вытекает? Не то ли, что на почве этой свободы мы можем действовать и обучать и воспитывать наших пасомых? Но *не выходить за пределы наших, прав,* и, главное, не пытаться под видом строго-церковного делания, обходить или нарушать государственный закон обязательный для нас, как и для всех граждан... Вся сила нашей энергии должна быть направлена на надлежащую постановку богослужения, на разъяснение св[ятого] Евангелия и богослужебного чина, на создание должного благоговейного настроения верующих» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, л. 38–40). Выделенные курсивом слова подчеркнуты патриархом.

© 2012 г. С. В. БОЛОТОВ*

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ И.В. СТАЛИНА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЕВРОПЫ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В 1940-е ГОДЫ

Религиозная политика 1940-х гг., несмотря на активное ее изучение отечественными и зарубежными исследователями, до сих пор вызывает дискуссии и освещена еще далеко не полно. В частности, пока нет специальных работ, в которых рассматривалось бы влияние этой политики на формирование образа СССР в общественном мнении союзников по антигитлеровской коалиции, а затем – противников в Холодной войне. Разумеется, раскрыть его невозможно без анализа материалов зарубежных средств массовой информации того времени – газетных и журнальных статей, радиопередач и

* Болотов Сергей Вячеславович, кандидат исторических наук.

кинофильмов, с помощью которых создавалось общественное мнение, учитывавшееся затем политиками и дипломатами Великобритании и США. Кроме того, особый интерес вызывает то, как знакомство с этими публикациями сказывалось в свою очередь на взаимодействии советского руководства с религиозными организациями в СССР.

В годы Великой Отечественной войны И.В. Сталиным была создана особая политическая модель церковно-государственных отношений, получившая в историографии название «нового курса»¹. Она впервые допускала в СССР сотрудничество государства с различными религиозными организациями, которые теперь не уничтожались, но ставились под жесткий негласный контроль государства и использовались, в первую очередь, в интересах советской внешней политики. Для реализации «нового курса» были созданы специальные органы – Совет по делам Русской Православной Церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров (Совете Министров) СССР, находившиеся под прямым контролем высшего руководства и лично Сталина.

Ключевые мероприятия, изменившие положение Русской Православной Церкви, санкционировались и осуществлялись в первой половине 1940-х гг. с учетом международной конъюнктуры, предвеля конференция союзников по антигитлеровской коалиции в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Это улучшало обстановку на переговорах и избавляло советские делегации от возможных обвинений в преследовании верующих в Советском Союзе². Более того, в этот период сама Церковь становится важным субъектом международных отношений, выступая в неожиданной для зарубежной общест-венности роли апологета СССР. Неудивительно, что публикации европейских и американских средств массовой информации о религиозной жизни в СССР внимательно отслеживались в Совете по делам РПЦ, Главном управлении по охране государствен-ных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлите), органах государственной безопасности и ЦК ВКП(б). Тексты заявлений и интервью патриарха Алексия I и дру-гих архиереев иностранным журналистам в обязательном порядке проходили предва-рительное согласование³.

Советское посольство в Риме ежедневно пересылало в Москву 3 экземпляра газеты «L'Osservatore Romano» – официального печатного органа Святого Престола, негласно запрещенного в Советском Союзе и странах социалистического лагеря⁴. В «Служебные вестники иностранной информации» особого 4-го Секретного отдела ТАСС включались тематические обзоры появившихся в Европе и США материалов о религиозной политике в СССР и странах советского блока. Эти «Особые закрытые письма», выпускавшиеся под грифом «Для служебного пользования», «Секретно» и «Совершенно секретно» для государственного и партийного руководства, представляли собой сообщения собственных корреспондентов ТАСС за границей, обзоры публикаций зарубежной прессы, перехваты радиопередач (в переводе на русский язык). Разумеется, сотрудники ТАСС не могли охватить все отклики, касавшиеся положения различных конфессий в СССР, поскольку счет их шел на тысячи. Как правило, они ограничивались передача-ми наиболее влиятельных радиостанций и публикациями в ведущих многотиражных печатных изданиях. Однако именно эти обзоры позволяют понять, какие заметки и из-вестия привлекали к себе внимание в Советском Союзе и какое им придавалось значе-ние. Они, безусловно, нуждаются в специальном рассмотрении, которое поможет и при фронтальном изучении сведений о религиозной жизни в СССР в зарубежных средствах массовой информации (и прежде всего, конечно же, самых авторитетных из них, как, например, американский журнал «Time»).

Репрессии против Церкви, сообщения о которых активно использовались в анти-советской пропаганде, заметно ухудшали общественное мнение о Советской России в Европе и США и даже служили поводом для дипломатического давления на СССР. Международной дискредитации большевиков способствовали и русские эмигранты, в особенности духовенство, постоянно напоминавшее о продолжавшихся на родине го-нонениях. После появления в 1927 г. декларации митрополита Сергия (Страгородского) Русская Зарубежная Церковь окончательно разорвала все связи с Москвой и заняла по отношению к СССР непримиримую позицию. Враждебной оставалась и политика

Ватикана. Негативный образ «безбожной большевистской России» осложнял международное положение СССР, и власть стремилась разрушить его при поддержке лояльного духовенства.

Уже в начале 1920-х гг. ГПУ НКВД (с 1923 г. ОГПУ при СНК СССР) начинает использовать в своей внешней политике полностью контролируемые группы обновленцев. Они с переменным успехом выступали с заявлениями о полной свободе религиозной жизни в Советской России⁵, направляли за границу завербованных ГПУ активистов для захвата приходов⁶, пытались добиться своего признания со стороны поместных православных церквей⁷, критиковали необновленческих иерархов Русской Церкви за рубежом. При этом в своей работе они часто пользовались помощью советских дипломатических представителей⁸. Зарубежная печать в середине 1920-х гг. освещала ряд судебных процессов по искам обновленческого «митрополита» Иоанна Кедровского к управляющему Североамериканской епархией митрополиту Платону (Рождественскому). В ходе одного из них Высший суд Нью-Йорка занял сторону митрополита Платона, видя в Кедровском агента влияния Советского Союза, занимающегося распространением коммунизма и готовящего «свержение всех остальных правительств на земле путем кровавых революций»⁹.

Одновременно советские власти пытались вовлечь в свою политику и патриаршую Церковь. От патриарха Тихона, находившегося под сильным давлением, летом 1923 г. им удалось добиться осуждения политической деятельности духовенства Зарубежной Церкви, а в январе 1924 г. – увольнения антисоветски настроенного митрополита Платона (Рождественского) от управления Североамериканской епархией (впрочем, указ об этом ему так и не был выслан)¹⁰. Для дискредитации зарубежных иерархов использовалось и так называемое «Предсмертное завещание» патриарха, признаваемое современными исследователями подложным¹¹. Декларация митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 г. также была рассчитана на выгодный для государства международный резонанс. Однако при сохранении общего курса на уничтожение Церкви и изживание религиозности подобные действия были малоэффективны и не могли всерьез убедить мировую общественность в благополучии религиозной жизни в СССР. Гораздо правдоподобнее звучали слова эмоционального послания, направленного папой Пием XI генеральному викарию Рима кардиналу Базилио Помпилию 2 февраля 1930 г.: «Рост такого зверства и безбожия, поощряемый государственной властью, требует всеобщего и торжественного возмещения и ответа»¹². Понтифик призывал провести акции протеста и молебны за гонимую Русскую Церковь, что вызвало отклик у верующих всего мира и нанесло ощутимый урон международной репутации Советского Союза, готовившегося вступить в Лигу наций. В ответ Сталин назвал Пия XI одним из главных врагов коммунизма и обвинил его в организации «крестового похода» против СССР¹³. Ответить же на обвинения в антицерковных гонениях советское руководство решило от имени архиереев Русской Православной Церкви.

18 февраля 1930 г. митрополит Сергей (Страгородский) зачитал иностранным журналистам свои ответы на заранее присланные ими вопросы, уверяя, что «в Советском Союзе никогда не было и в настоящее время не происходит каких-либо религиозных преследований»¹⁴. Действия папы характеризовались при этом митрополитом как враждебные и двуличные. «Вы спрашиваете, – говорил он, – на каком основании мы считаем папу врагом православия. Как же нам думать иначе, если католическая церковь, возглавляемая папой, в одной только Польше за один только 1929 г. насильственно отобрала у православных прихожан около 500 православных церквей, обратив их в католические костелы. Нам неизвестно, чтобы какие-нибудь епископы в Англии, Америке или другой стране выступали против этих насильственных действий католической церкви»¹⁵. Действительно, в ходе проводившейся польским правительством политики «ревиндикации», о которой напоминал митрополит Сергей, более тысячи православных храмов и часовен были либо переданы католикам и униатам, либо варварски разграблены и разрушены, православное духовенство в Польше подвергалось арестам¹⁶. Интервью было опубликовано не только в зарубежной, но и в советской пе-

чати¹⁷. Тем не менее в течение 1930-х гг. зарубежная пресса систематически писала о преследовании духовенства и верующих в Советском Союзе. Так, в 1938 г. в журнале «Time» сообщалось о тюремном заключении 20 русских архиереев и казни митрополита Горьковского и Арзамасского Феофана (Тулякова), а политика Сталина по отношению к религии характеризовалась как «дробилка» («crusher»)¹⁸.

В 1939–1940 гг. основными центрами антисоветской пропаганды стали Франция, Великобритания и США. Особую активность проявляло польское правительство в изгнании, располагавшееся сначала в Анжере (Франция), а затем в Лондоне. В польской эмигрантской печати часто звучала религиозная риторика, а среди ее авторов было много представителей католического духовенства. В предисловии к вышедшей в Лондоне в конце 1941 г. брошюре «За христианские основы государственной жизни» кардинал Август Глонд (основатель особой монашеской конгрегации, занимавшейся работой с польскими эмигрантами) писал: «В политику народов вмешался сатана. Он перемазал божескую мысль. Он осмелял этику. Он развеял политическую совесть. В живой организм государств он внес разлад. Свой идеал республики-демона он осуществил в большевизме. Обманутый, раздетый в идейном отношении народ он ведет к катастрофам через революционные посмешища»¹⁹. Польский журнал «Skarb rodziny», издававшийся в США, из номера в номер – даже после заключения польско-советского договора о дружбе – печатал антисоветские статьи, публиковал материалы о преследовании поляков и католиков в СССР²⁰. В № 1 за 1940 г. в статье «Почему развивается религия в России» «Skarb rodziny» утверждал, что в СССР все религии преследуются и уже один шепот молитвы «Отче наш» выводит Сталина из равновесия. В одном из номеров американского журнала «Апостол» в статье «Примас Глонд о борьбе большевиков с религией и польскостью» указывалось: «Небольшую силу имеет советская пропаганда потому, что на самой нищете большевиков, на их культурной отсталости, на их деградации население видит результаты системы, составной частью которой является атеизм»²¹.

После начала Великой Отечественной войны репутация СССР как страны, где репрессируют священнослужителей и ущемляют свободу совести, стала помехой для налаживания отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции. Ф.Д. Рузвельт, слывший весьма религиозным человеком, через своего личного представителя в Москве У.А. Гарримана живо интересовался гражданскими свободами в Советском Союзе и был особенно озабочен положением Русской Церкви. Не меньший интерес к этим проблемам проявляла и Великобритания. Советскому руководству предстояло убедить лидеров и общественность стран-союзниц в том, что в СССР не только нет гонений на верующих, но и идет полноценная религиозная жизнь. Решение этой задачи отчасти облегчалось тем, что Русская Православная Церковь, несмотря на свое тяжелое и угнетенное положение, сразу же включилась в патриотическую деятельность. В первый же день войны, 22 июня 1941 г., местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) написал и разослал по всем действующим храмам обращение, в котором призвал народ стать на защиту Родины, а Церковь – разделить судьбу народа. Публичное заявление митрополита Сергея об отлучении от Церкви любого священника и мирянина, кто, подобно Иуде, станет сотрудничать с нацистами, попало на страницы не только советской, но и зарубежной прессы²².

В то же время иерархи добровольно и, по всей видимости, без колебаний поддерживали международную политику Советского государства. В разгар битвы за Москву, 24 декабря 1941 г., архиепископ Саратовский Андрей (Комаров) долго беседовал с корреспондентом американского агентства «Associated Press» Гилмором Кингом. Отвечая на вопросы, владыка утверждал: «Советская власть никогда не ограничивала свободу вероисповедания. Советская власть твердо держится принципа веротерпимости для всех религий». Но поскольку на Западе были хорошо осведомлены о религиозных гонениях, архиепископ разъяснял, что «советская власть применяла репрессии к части духовенства и верующих, но не за их религиозные убеждения, а за деятельность, направленную против существующего советского строя». Он связывал это с тем, что

«Церковь до революции была на службе у царского правительства», духовенство выступало против большевиков, и «Советская власть не могла, разумеется, оставлять таких лиц безнаказанными». На вопрос о переменах в положении Русской Церкви в СССР после начала войны саратовский архиерей отвечал: «Никаких перемен не произошло, так как Церковь и до войны, и после начала войны не была ограничена в своих действиях». Так как в западной прессе в то время, как и в наши дни, нацистский и советский режимы нередко стремились выдать за явления одного порядка, архиепископ обращал внимание на то, что в отношении к религии в Германии и СССР «существует громадная разница»²³.

Для наглядной демонстрации патриотизма патриархии по негласному решению Политбюро, принятому 10 марта 1942 г. по инициативе Л.П. Берии и Сталина, в том же году была выпущена книга-альбом «Правда о религии в России», в 1943 г. появился сборник «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Эти роскошные, богато иллюстрированные издания убедительно создавали иллюзию церковного благополучия в СССР. Они были изданы при содействии руководства НКВД СССР в короткие сроки, напечатаны тиражом в десятки тысяч экземпляров и предназначались в первую очередь для зарубежных читателей. Не случайно их перевели на иностранные языки и распространяли в Европе, США, на Ближнем Востоке и за линией фронта, а также дарили на официальных мероприятиях духовенству и дипломатам союзнических держав²⁴.

Кроме того, зимой 1942/43 гг. на студии Ленкинохроники при участии митрополита Николая (Ярушевича) был снят документальный фильм о сборе ленинградскими верующими средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского и эскадрилью имени Александра Невского, также предназначавшийся прежде всего для показа за границей²⁵. Важность влияния кинематографа на общество тех лет сложно переоценить. Работа Ленкинохроники была со стороны Москвы весьма своевременной поддержкой политики Рузвельта, формировавшего тогда у американцев позитивный образ нового союзника их страны и находившегося в неудобном положении из-за обвинений СССР в притеснении свободы совести и вероисповеданий. В самих США после вступления СССР в антигитлеровскую коалицию по инициативе президента создали пропагандистский фильм, воспевавший Советский Союз, его лидеров и героическую борьбу советского народа с фашизмом²⁶. В ноябре 1943 г. в американский прокат вышел 83-минутный фильм «Битва России» – пятый и самый длинный эпизод из 7-серийного пропагандистского документального фильма «Почему мы сражаемся» («Why We Fight») оскароносного американского режиссера Фрэнка Капры²⁷. В начале второй части, которая была посвящена блокаде Ленинграда и Сталинградской битве, зрители увидели кадры архиерейского богослужения, возглавляемого митрополитом Николаем (Ярушевичем), и слышали слова молитвы о победе над фашизмом, произносившиеся диктором от имени митрополита Сергия (Страгородского).

Фильм получил признание не только в США, но и в СССР. Оправдывая союз стран Запада с СССР, режиссер не упоминал о фактах, которые могли бы поставить под сомнение новый, исключительно положительный образ Советского Союза – пакт Молотова–Риббентропа, советское участие в разделе Польши, Зимняя война против Финляндии, хотя всего несколькими годами ранее западная антисоветская пропаганда упорно твердила именно об этих событиях. Но одних только радиопередач, статей и фильмов для изменения общественного мнения было недостаточно, и вскоре последовали решительные шаги Кремля навстречу интересам Русской Церкви (организация соборов, освобождение из мест заключения православного духовенства, прямая материальная помощь и т.д.)

Многokrатно описанная в литературе встреча Сталина с церковными иерархами 4 сентября 1943 г. и последовавшее 8 сентября избрание Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси стали закономерным итогом успешного, с точки зрения советской власти, использования духовенства во внешней политике. Сталин прагматично решил разменять скромную государственную поддержку Церкви на ее

лояльность и помощь в международных делах. Время проведения Архиерейского собора и восстановления высшего церковного управления было выбрано не случайно. Приближался срок Тегеранской конференции, на которой союзникам предстояло обсуждать вопрос об открытии Второго фронта. Перед переговорами необходимо было создать благоприятную для советского Союза атмосферу, расположить в его пользу общественность Англии и США, сняв, в частности, и обвинения в ущемлении свободы совести и религиозных гонениях. Способствовать этому должен был межконфессиональный диалог православного и англиканского духовенства.

19 сентября 1943 г. в Москве уже находилась делегация из Великобритании, которая провела в России 10 дней и за это время несколько раз встречалась с иерархами Московского патриархата. Сталин желал, чтобы, вернувшись, ее участники успели до начала Тегеранской конференции лично и через прессу поделиться с соотечественниками своими впечатлениями от визита. Эти надежды во многом оправдались. Во время прощального посещения патриарха глава делегации архиепископ Йоркский Сирил Фостер Гарбетт заявил: «По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать “есть ли в России свобода отправления религиозного культа”, и я отвечу, что “безусловно, да” а когда книга “Правда о религии в России” будет переведена в Англии на английский язык, она принесет много пользы в деле понимания в Англии разных сторон русской церковной жизни»²⁸. Действительно, на родине архиепископ Йоркский заверил журналистов, что благодаря советскому руководству положение Церкви в СССР улучшилось, а «Сталин, будучи великим государственным деятелем, признал силу религии»²⁹. Свои впечатления архиепископ Гарбетт изложил также в заметке «Что я видел в СССР», которая была опубликована осенью 1943 г., в том числе, и в еженедельной газете «Британский союзник», издававшейся в военные годы на русском языке Министерством информации Великобритании. Как отмечалось в этой заметке, в СССР «огромное множество» людей не являются религиозными, но «не может быть никакого сомнения в том, что церковная служба ничем не ограничена», а Русская Церковь «лояльно принимает существующий режим». Сталин назывался в ней «мудрым государственным деятелем», сам же архиепископ говорил о сочувствии и намерении впредь быть осторожнее в критических оценках Советского Союза³⁰. Итогам визита архиепископа журнал «Time» посвятил статью «Святая Россия», в которой описывалась характерная примета времени: «Православные священники показались на улице в своих черных рясах, впервые со времен большевистской революции. Пораженные дети бегали вокруг них, спрашивая, кто они такие»³¹.

Следует отметить, что религиозная политика «нового курса» осуществлялась так, что почти исключала утечку нежелательной информации в международную прессу, и иностранцы нередко оказывались в добросовестном заблуждении относительно реального положения верующих в СССР. Загнанная после революции в состояние нищеты Русская Православная Церковь отказывалась от предлагаемой из-за рубежа помощи деньгами, духовной литературой, церковной утварью, дабы не ставить под сомнение, что ее положение вполне благополучно. Так, на предложение помощи со стороны США и Канады, переданное в январе 1944 г. корреспондентом канадской газеты «Toronto Star» Джозефом Дэвисом, патриарх Сергий ответил, что Церковь в СССР «имеет достаточно средств для своего существования»³². В 1944 г. в патриархию поступило письмо Уиллиама Гриффиса, секретаря Синода Северно-Уэльского союза Пресвитерианской церкви Уэльса, содержавшее «выражение радости по поводу замечательного религиозного движения в России» и «глубочайшее сочувствие русскому народу и безграничное восхищение его героизмом». Схожее послание было получено и от русскоязычных эмигрантов – издателей выходившей в Сан-Франциско газеты «Новая заря»³³. В докладе наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова «Об откликах иностранных дипломатов и политэмигрантов на изменение внутренней политики Советского Союза в отношении религии» приводились слова корреспондента английской газеты «Daily Herald» Матьюса: «Изменение политики Советского Союза в отношении религии рав-

ноСИЛЬНО сейчас открытию Второго фронта, так как у стран оси выбит козырь в деле их пропаганды против СССР, якобы угнетающего религию»³⁴.

Активно содействовало советской внешней политике и армянское духовенство. На соборе в Эчмиадзине, организованном советскими властями в середине июня 1945 г., иностранные гости делали громкие политические заявления, поддерживая стремление СССР включить в состав Армянской ССР территории Турции, на которых проживало армянское население. Главная роль была отведена при этом священнику Хьюлетту Джонсону, известному общественному деятелю, доктору теологии и настоятелю Кентерберийского собора, многие годы публично выступавшему за границу в поддержку Советской России. «В соответствии с провозглашенной советской властью свободой совести и равенством всех в вероисповедании армянская церковь начинает новую жизнь», – говорил Джонсон на ереванской пресс-конференции в конце июня 1945 г. Там же он провозглашал: «Я полностью и от всего сердца согласен с тем, что области, отторгнутые Турцией, должны быть как можно скорее возвращены Армении. Декларация национального совета армян Америки, по моему мнению, вполне справедлива и обоснованна. Турция намеренно задерживала нормальное экономическое развитие отторгнутых областей. Население до сих пор непропорционально мало, в то время как их законные обитатели рассеяны по всему миру. Турция с невероятной жестокостью истребляла армянское население. Державы-победительницы после Первой мировой войны заявили, что справедливость требует возвращения этих областей их законным владельцам. То, что было записано тогда, должно быть проведено в жизнь теперь»³⁵. Эти заявления вполне соответствовали сталинским планам послевоенного устройства мира. Турция, как бывший союзник поверженной Германии, не могла самостоятельно бороться против СССР, и ее судьба должна была решаться на Потсдамской конференции, в преддверии которой и проводился собор.

Ближе к концу Второй мировой войны Сталин стал задумываться о возможности объединения православных поместных церквей вокруг Московского патриархата. Перенесение центра вселенского православия в Москву и параллельное образование в социалистических странах дружественных Московскому патриархату автокефальных церквей должно было идти под личным контролем самого Сталина, Молотова и Берии, а право на «оперативную инициативу» предоставлялось председателю Совета по делам Русской Православной Церкви полковнику госбезопасности Г.Г. Карпову³⁶. В 1946 г. был создан Отдел внешних церковных сношений Русской Православной Церкви (ОВЦС), а два года спустя в составе Совета по делам РПЦ появился Иностранный отдел, который отвечал за сотрудничество с ОВЦС, в тесном взаимодействии с посольствами контролировал контакты и связи с иностранцами, а также производил мониторинг статей религиозной тематики в зарубежной прессе.

Весной 1945 г. советское руководство санкционировало многочисленные зарубежные поездки русских архиереев, вызвавшие большой интерес на Западе³⁷. 22 мая 1945 г. патриарх Алексий в сопровождении митрополита Николая (Ярушевича) впервые выехал за границу, посетив Святую Землю, Кипр и страны Ближнего Востока, где встречался с иерусалимским, александрийским и антиохийским патриархами. Одной из целей этой поездки были переговоры об укреплении православного единства и созыве в ближайшем будущем Всеправославного собора в Москве.

«Сейчас весьма ярко проявляется реформаторская тенденция Советов, желающих, чтобы все православные церкви Востока и Балкан оказались в ведении русского патриарха Алексия», – сообщалось 5 декабря 1946 г. в эфире радио Ватикана³⁸. Прямая связь между действиями Московской патриархии и советской дипломатии не раз отмечалась в зарубежной прессе. Так, 26 сентября 1947 г. арабская газета «Аморба» в статье «Общее беспокойство от пропаганды Московской церкви» писала: «Те визиты, которые делает русское духовенство православным общинам, встречи, доклады, обмен посланиями... часто все это предшествует деятельности дипломатических миссий»³⁹.

Большое внимание в патриархии уделяли и положению в послевоенной Германии, особенно в советском секторе оккупации. После разгрома Третьего рейха возглавляв-

ший все православные приходы на его территории митрополит Берлинский Серафим (Ляде), имевший обновленческую хиротонию и запятнавший себя связями с нацистами, бежал к американцам. В управление Берлинской епархией вступил архиепископ Брюссельский Александр (Немоловский), который был известен тем, что после оккупации Германией Бельгии публично критиковал в Брюсселе политику Гитлера и стал узником концлагеря Дахау⁴⁰. После окончания войны архиепископ сделал ряд дружественных Московской патриархии заявлений и воссоединился с Русской Православной Церковью. В октябре 1945 г. в Германию была направлена делегация во главе с протопресвитером Николаем Колчицким, которая произвела на местные православные приходы положительное впечатление, а затем в июле 1946 г. архиепископ Александр в сопровождении нескольких священников своей епархии посетил Москву. Подводя итоги этой поездки, он выступил в немецкой и французской прессе с просоветскими заявлениями.

Но в целом удачный для советской стороны обмен делегациями закончился международным скандалом. 21 октября 1946 г. в журнале «Time» появилась антисоветская по своему характеру статья Джона Скотта «Птичье молоко», написанная на основе отзывов одного из членов немецкой делегации. Сотрудникам Московской патриархии пришлось публично опровергать ее через Совинформбюро⁴¹. В статье, в частности, цитировались слова много лет не бывавшего в России протоиерея Сергия Положенского: «Москва – это огрубевшая деревня. Все время, пока я был там, я не видел ни единого интеллигентного лица, ни одного действительно хорошо одетого мужчину или женщину»⁴². Центрами распространения антисоветской пропаганды стали и эмигрантские приходы «зарубежников». Их позиция, по словам заместителя председателя Совета по делам РПЦ С.К. Белышева, сводилась к тому, что «Церковь в СССР не свободна, религия в СССР властями преследуется, патриарх Алексей состоит на службе у большевиков и не представляет собой истинной русской церкви»⁴³.

Кроме того, как и в 1930-е гг., политика Кремля вновь встретила сильное сопротивление со стороны Ватикана. Еще в начале 1945 г. Пий XII, опасавшийся советизации Европы, не скрывая своей враждебности к коммунистам и СССР, стал призывать к милосердию по отношению к побежденным в войне и заключению «мягкого мира» с Германией. У Святого Престола были свои планы относительно будущего Восточной Европы, предусматривавшие создание конфедерации Придунайских стран и борьбу против леворадикальных элементов с помощью движения «Католическое действие» («Azione Cattolica») ⁴⁴, нацеленного на создание во всех слоях населения культурно-просветительских и политических организаций и объединение мирян под руководством иерархов. Позиция движения была недвусмысленно выражена в статье международного обозревателя Карла Адама «Советский Союз и Священный Престол», опубликованной 27 октября 1946 г. в газете «Quotidiano» (печатном органе «Католического действия»). «Коммунизм, – констатировалось в ней, – является открыто антирелигиозным учением с собственной этикой, представляющей собой антитезу христианской этики. Коммунизм – это ересь»⁴⁵.

В ответ советское руководство при поддержке Русской Православной Церкви и практически всех автокефальных православных церквей фактически развязало войну против католицизма, влияние которого приходилось преодолевать в восточноевропейских странах⁴⁶. «Европа сегодня раздирается двумя могущественными влияниями, которые исходят от Ватикана и от Москвы, – отмечалось в 1946 г. в редакционной статье журнала «Religious Herald», издававшегося баптистами штата Вирджиния. – Московское – агрессивно-коммунистическое. Ватиканское – агрессивно римско-католическое. Оба влияния ищут поддержки в Соединенных Штатах и оба встречают в этом направлении известный успех. Правительство США... должно внимательно избрать правильный и безопасный курс между ними, чтобы не стать рабочим инструментом одного из них»⁴⁷.

Заложниками этой борьбы стали католики и униаты, оказавшиеся в советской зоне влияния в Европе. С 1946 г. новыми просоветскими правительствами стран Централь-

ной и Юго-Восточной Европы стали принудительно распускаться сотни католических общественных организаций: организации католической молодежи, рабочих-католиков, охотничьи и стрелковые общества. В Венгрии, например, такое распоряжение было отдано коммунистическим министром внутренних дел Райком Ласло в июле 1946 г., что вызвало возмущение и протесты со стороны венгерского кардинала-примаса Йожефа Миндсенти⁴⁸. «Россия сжимает в тисках Восточную Европу», – писала газета «The Catholic Times»⁴⁹. По сути, из-под влияния Ватикана выводилось все восточноевропейское население, кроме людей, сознательно посещавших костелы и католические учебные заведения. «Международные дела сегодня определяются убеждением всемирной коммунистической штаб-квартиры в Москве, что старый капиталистический порядок неизбежно распадется и что на его место должна прийти мировая коммунистическая империя, управляемая прямо или косвенно русскими коммунистическими диктаторами», – говорилось в редакционной статье английской католической газеты «The Catholic Herald» в июле 1947 г.⁵⁰ 13 июля 1949 г. Конгрегация Священной канцелярии опубликовала постановления, осуждавшие коммунизм и запрещавшие под угрозой отлучения от Церкви вступать в коммунистическую партию, сотрудничать с ней, и даже читать ее прессу⁵¹.

Ватикан заручился поддержкой не менее влиятельного, чем СССР, союзника. Анализируя сопротивление католического епископата советизации Восточной Европы и его антикоммунистическую агитацию на выборах в законодательные собрания (Пий XII в своем послании объявил «дезертиром и предателем любого, кто окажет поддержку партиям или властям, не признающим Бога»⁵²), сотрудники Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) пришли к выводу, что эти действия направляются не только папой, но и щедро финансируемой проамериканской партией в Ватикане, связанной с военной и дипломатической миссией США⁵³. В августе 1947 г. Пию XII было передано послание президента США Г. Трумэна, в котором говорилось, что «длительный мир может быть построен только на христианских началах», а устранение тех, кто «хочет нарушить Божественный порядок, допускается». «Церковь не испытывает страха, – заверял папа в ответном послании. – Мы не можем вступить в сговор с врагами Бога». Эта переписка была опубликована и вызвала бурную реакцию со стороны социалистов и коммунистов⁵⁴. Даже либеральные итальянские журналисты выразили в газете «L'Unita» обеспокоенность тем, что «Пий XII вступает в строй для участия в идеологической войне». Им представлялось, что «обмен посланиями между Трумэном и папой чреват угрозой для народов»⁵⁵. Действительно, в марте 1947 г. Трумэн объявил о праве США оказывать влияние на политику других стран, и вскоре это было подтверждено на практике в Греции и Турции.

Учитывая нараставшее сопротивление распространению своего влияния в Европе, Советское руководство, воспользовавшись празднованием 500-летия автокефалии Русской Церкви, решило провести совещание предстоятелей православных церквей, которое должно было закрепить их единство. В торжествах и рабочих заседаниях Всеправославного совещания, состоявшегося в Москве 8–18 июля 1948 г., так или иначе приняли участие делегации 10-ти из 13-ти автокефальных церквей (считая и Московский патриархат)⁵⁶. Члены многих иностранных делегаций дали корреспондентам ТАСС интервью о своем пребывании в Москве. Сербский патриарх Гавриил и Болгарский экзарх Стефан, жалуясь на притеснения со стороны своих правительств, ставили им в пример «правильные» взаимоотношения Церкви и государства в СССР⁵⁷. Организованные для делегатов совещания поездки по крупнейшим городам Советского Союза также произвели на них большое впечатление. Митрополит Стефан даже говорил, что после посещения Тбилиси у него возникла мысль написать книгу о жизни Сталина, поскольку «Сталин – это действительно гений и светоч для всех народов, которые ищут правды, мира и подлинной братской взаимной любви»⁵⁸.

Основная цель совещания – сплочение православных церквей под руководством Московской патриархии – была достигнута, но лишь на приоритетном для советской международной политики восточноевропейском направлении. Константинопольская и

Греческая (Элладская) церкви к этому времени уже перестали считаться с интересами Советского Союза. Вскоре в холодную войну на стороне противников коммунизма активно включился экзарх Северной и Южной Америки архиепископ Афинагор (Спиру), который в результате закулисной борьбы против патриарха Максима в конце 1948 г. стал новым Константинопольским патриархом. Патриарх Афинагор, проживший в Северной Америке 17 лет, имел репутацию «американского ставленника» и человека, близкого к президенту США (об этом свидетельствовало и то, что в Стамбул он прибыл на личном самолете Трумена)⁵⁹. Свои убеждения он ясно выразил еще 7 декабря 1948 г. в сан-францисской газете «Новая заря»: «Мы, православные, простираем руку дружбы всем религиям, христианским, мусульманским и другим, желающим бороться против коммунизма. Я был бы весьма счастлив, если бы глава римского католицизма папа тоже протянул руку дружеского сотрудничества нам и принял бы нашу руку»⁶⁰. 27 января 1949 г. на своей интронизации патриарх Афинагор вновь призвал христиан и мусульман к сотрудничеству для борьбы против коммунизма⁶¹.

Эти заявления подрывали усилия Москвы, направленные на укрепление православного единства. Теперь можно было говорить лишь о блоке православных церквей стран социалистического лагеря, поскольку предстоятель Греческой Церкви архиепископ Спиридон (Влахос) также имел репутацию «врага Советского Союза и стран народной демократии»⁶² и ориентировался на Константинопольский патриархат. Это разделение, в частности, выразилось в том, что на интронизации патриарха Афинагора отсутствовали представители всех православных церквей Восточной Европы, кроме Элладской. В Турции же утверждали, что избрание Вселенским патриархом Афинагора спасло Константинопольский патриархат от превращения в послушный инструмент Советского Союза. «Православные церкви, благодаря избранию Афинагора, нашли противоядие против яда, которым атеистическая Россия под маской религии хочет отравить сознание христиан», – писала 8 февраля 1949 г. турецкая газета «Son Posta»⁶³.

В итоге СССР утратил и церковный, и политический контроль над восточно-средиземноморским регионом. Турецкое правительство отклонило притязания СССР на территории с армянским населением и не допустило размещения советских военных баз в проливах Босфор и Дарданеллы. В этом его поддерживали США, Великобритания и Франция. 18 февраля 1952 г. Турция вошла в НАТО, преодолев под влиянием США разногласия с Грецией. Господство США, прочно установившееся на Ближнем Востоке к концу 1940-х гг., лишило политического значения налаженные в 1940-е гг. связи Москвы с восточными патриархами.

Информационные атаки на СССР в средствах массовой информации скоро превзошли довоенный уровень⁶⁴. Совет по делам РПЦ располагал информацией о том, что Ватикан прямо финансировал антикоммунистическую пропаганду⁶⁵. По мнению лондонского журнала «News Review», официальный ежедневник Святого Престола «L'Osservatore Romano» вел с «Правдой» «самую длительную и убийственную словесную войну, какая велась когда-либо между двумя газетами»⁶⁶. При этом не следует забывать, что Московская патриархия находилась под жестким (хотя и тактичным по форме, если дело касалось патриарха и членов Священного Синода) контролем со стороны Совета по делам РПЦ и не была самостоятельна в своей международной деятельности. Принципы и формы ее полемики со Святым Престолом, участие в движении за мир, а также выступления в отечественных и зарубежных средствах массовой информации диктовались интересами государства и его представителями. По мнению исследователей, привлечение духовенства усиливало воздействие советской агитации и пропаганды на население капиталистических стран, и, в особенности, на верующих людей⁶⁷. Но вместе с тем поддержка советской риторики со стороны священноначалия Московского патриархата приводила к тому, что в нем видели прежде всего проводника советского влияния⁶⁸. Смерть Сталина положила конец целой эпохе в истории России. Созданная им в начале 1940-х гг. политическая модель «нового курса» церковно-государственных отношений сохранялась по меньшей мере до конца 1950-х гг. К этому времени Русская Православная Церковь успела во многом восстановить и упрочить свое

положение как в стране, так и в мире. Во всяком случае, власть не могла уже вернуться к открытым гонениям и репрессиям против Церкви без большого ущерба для своего международного престижа.

Примечания

¹ Подробнее о политике «нового курса» см.: *Болотов С.В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011.

² Подробнее см.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999; *Якунин В.Н.* Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001; *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. М., 2011; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999; и др. О прямой связи между религиозной политикой в СССР в 1940-е гг. и отношениями внутри антигитлеровской коалиции еще в 1984 г. писал Р.А. Медведев: *Medvedev R.* All Stalin's Men. Blackwell, Oxford, 1984. Р. 93–94. Однако в то время документально обосновать данный тезис было практически невозможно (*Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010. С. 44).

³ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов. М., 2009; Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов. Т. 1–2. М., 2009.

⁴ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 444, л. 33.

⁵ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 177, л. 29.

⁶ ГА РФ, ф. А-353, оп. 6, д. 20, л. 8.

⁷ *Митрофан (Шкурин), игумен.* Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 гг. // Вестник церковной истории. М., 2006. № 1. С. 168.

⁸ *Соловьев Илья, иерей.* Раскольническая деятельность «обновленцев» в русском зарубежье // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 274–275.

⁹ Russia's Church // Time. 1925. January 5.

¹⁰ *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 199–200.

¹¹ Там же. С. 208–209; *Сафонов Д.В.* К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 297.

¹² Подробнее см.: *Венгер А.* Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000. С. 362–378.

¹³ *Карлов Ю.Е.* Миссия в Ватикан. М., 2004. С. 16.

¹⁴ Акты Святейшего Тихона. М., 1994. С. 682–689. Подробнее см.: *Курляндский И.А.* Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 164, 169.

¹⁵ Цит. по: *Васильева О.Ю.* Февральская пресс-конференция митрополита Сергия иностранным корреспондентам: историческое наследие и материал для исторического осмысления // Альфа и Омега. 2002. № 3(33). С. 136.

¹⁶ См.: *Свитич А.* Православная церковь в Польше и ее автокефалия // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии, 1917–1950 гг.: Сборник. М., 1997.

¹⁷ Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1930. 19 февраля. Авторство текста, зачитанного митрополитом Сергием, до сих пор вызывает споры. Если О.Ю. Васильева считает, что он принадлежал самому владыке, то И.А. Курляндский склоняется к предположению, согласно которому митрополит огласил от своего имени документ, навязанный ему советским руководством. См.: *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 131–132; *Курляндский И.А.* Указ. соч.

¹⁸ Mitre Off Platonoff // Time. 1938. April 11.

¹⁹ ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 110, л. 136–137.

²⁰ Там же, л. 138–139.

²¹ Там же, л. 140–142.

²² Religion: Travelers // Time. 1943. September 27.

²³ Правда о религии в России. М., 1942. С. 120–121.

²⁴ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1028, л. 174; Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 26.

- ²⁵ *Шкаровский М.В.* Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом. По новым документарным источникам // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 21–22 апреля 2005 г. М., 2007.
- ²⁶ «Mission to Moscow» (режиссер Michael Curtiz; Warner Brothers Pictures, 1943 г.).
- ²⁷ «The Battle of Russia» (режиссер Frank Capra; War Activities Committee of the Motion Pictures Industry, 1943 г.).
- ²⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 2.
- ²⁹ Holy Russia // Time. 1943. October 4.
- ³⁰ Цит. по: Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 27.
- ³¹ Holy Russia // Time. 1943. October 4.
- ³² ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 4, л. 17.
- ³³ Журнал Московской Патриархии. 1944. № 2. С. 5–6.
- ³⁴ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 212.
- ³⁵ Правда. 1945. 29 июня.
- ³⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 22.
- ³⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 32, л. 231.
- ³⁸ Там же, оп. 1, д. 77, л. 107.
- ³⁹ Там же, д. 78, л. 443.
- ⁴⁰ Там же, д. 149, л. 145.
- ⁴¹ Там же, л. 146.
- ⁴² Bird's Milk // Time. 1946. October 21.
- ⁴³ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 149, л. 146.
- ⁴⁴ *Одинцов М.И.* Государственно-церковные отношения накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 38; *Васильева О.Ю.* Ватикан в горниле войны // Наука и религия. 1995. № 6. С. 1–5.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 77, л. 85.
- ⁴⁶ *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 298.
- ⁴⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 77, л. 76.
- ⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 124, л. 84–87.
- ⁴⁹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 78, л. 87.
- ⁵⁰ Там же, л. 192.
- ⁵¹ *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. С. 367.
- ⁵² *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 301, 304.
- ⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 124, л. 4, 10–14.
- ⁵⁴ *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. М., 1977. С. 191–192.
- ⁵⁵ Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 580–581.
- ⁵⁶ Деяния Соединения Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 года. Т. 1. М., 1949. С. 1–2.
- ⁵⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 104.
- ⁵⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 290, л. 128.
- ⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 212; ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 454, л. 137–138.
- ⁶⁰ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 454, л. 138–139.
- ⁶¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 212.
- ⁶² ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 725, л. 12.
- ⁶³ Там же, д. 981, л. 254.
- ⁶⁴ Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 606–607; Т. 2. С. 85.
- ⁶⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 78, л. 14.
- ⁶⁶ Там же, д. 444, л. 27.
- ⁶⁷ *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 307; *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется. М., 1992. С. 202.
- ⁶⁸ *Buss G.* The Bear's Hug: Religious Belief and the Soviet State. London, 1987. P. 34; *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Воспоминания. Письма. Н. Новгород, 1998. С. 203.